



Одна лишь противоречивость и является доказательством того, что мы не есть всё. Противоречивость — это наша нищета, а чувство нищеты — это чувство реальности. Потому что наша нищета не нами создана. Она настоящая. Именно поэтому ее нужно лелеять.

*Симона Вейл. Тяжесть и благодать*<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Перевод Н. В. Ликвинцевой.



В последний день — вечером в пятницу в начале октября, — стоя внизу у канала, около покрытой гравием дорожки между водой и зданием полиции, я ждал гитариста и композиторшу. Я стоял и думал о восковом плюще, чьи бело-розовые ароматные лепестки распустились за ночь, и о кое-каких уроках, которые, как мне казалось, я смог вынести из напряженного и в одинаковой мере удачного исполнения пьесы Шельси на утренней репетиции. И как раз, когда я безуспешно пытался вспомнить имя итальянского философа, написавшего длинное и исключительно глубокое эссе о произведениях Шельси и значении этого композитора, ко мне подошел парень и спросил, не найдется ли у меня монетки для бездомного; порывшись в правом кармане, я нащупал купюру в двадцать крон, неровно сложенную, помятую, и отдал ему. Он молча взял ее и сунул в карман своей черной куртки, капюшон которой, отделанный мехом, скрывал ббольшую часть его головы. Я стоял, и курил, и видел, что он смотрит на сигарету, следя за ней глазами. Я это ви-

дел, но не угостил его. Я посмотрел на него, прямо ему в глаза, и не испытал страха. Это был молодой парень, некрупный, хилый, и я подумал, что, если он дернется, я без проблем солью его с ног. Даже если у него есть нож или пистолет. Он смотрел на сигарету, которую я поднес к губам. Я затаился, а затем моя рука опустилась от подбородка вниз к животу, примерно до пупка, и я увидел, как он отследил движение взглядом. Я выдохнул. Дым и огонь, бумага и табак. Я бы мог предложить ему сигарету, но не подумал об этом. Он бы мог попросить, но не сделал этого. Еще я заметил, что он смотрит на мой велосипед, прислоненный позади меня к деревянной скамейке или, может, к электрошлиту. Потом он сказал, что ночью, прошлой ночью, его избили. Он сказал: Я не знаю, где мне ночевать, и меня вчера избили. Он сказал, что кто-то ударил его по ребрам и по лицу. Я посмотрел на него и увидел синяк и маленькую ссадину на левой щеке, на скуле. Я спросил: Кто тебя избил? Он ответил что-то неразборчиво. Он произнес имя. Язык двигался у него во рту. Он промямлил имя, которое я не разобрал. Я спросил почему, и он пролепетал, что они *слишком много торчат*. Он сказал: Он — шлюха. От этих слов я немного попятился, как будто их резкость была слишком интимной, и тут же вспомнил Роберта, друга детства, с которым недавно столкнулся, солнечным днем у моря, около поля Лимхамнсфельтет перед любительским матчем. Мы много лет не виделись. Теперь он был здоровым и накачанным, ничуть не напоминая того тощего подростка, которого я помнил, и он рассказал мне

спокойным тоном, без стыда или раздутого хвастовства, что сидел, что, когда его застигли врасплох при взломе, он ударил одного парня отверткой. Роберт отсидел пару лет, освободился и нашел работу на каком-то заводе оптики или чем-то подобном. Он сообщил, что сейчас все нормально, что хорошо иметь работу. Я коротко рассказал, чем занимаюсь последние годы. Упомянул среднее образование, музыкальный вуз и будни музыканта-фрилансера. Все нормально, добавил я и заметил, что полная занятость — это хорошо. Он ответил, что она у него не полная. Он работает по часам. Но работы хватает, сказал он. Потом он спросил, ежу ли я в Прагу. Я сказал: Нет, последний раз был там пару лет назад. Он заметил: Офигеть какие классные шляхи в Праге. Я промолчал, скользнув взглядом по свеженанесенной боковой линии, до самого углового флажка, маленького оранжевого знамени на сильном ветру. Когда я снова посмотрел на Роберта, он уже отвел взгляд. Не знаю, что произошло. Думаю, мы пожали руки и сказали: Да-да, не кисни, чувак, счастливо! А потом мы разошлись. Ветер поднимал большие клубы пыли над сухими гравийными площадками. Я смотрел вслед Роберту, смотрел на его лопатки и мышцы спины и думал, что должен это кому-нибудь рассказать, но так и не рассказал, даже гитаристу с композиторшей. Я стоял, смотрел ему вслед и вдруг вспомнил, как однажды он мне помог в дворовой драке. Я дрался с Карлосом, вроде из-за девушки, Виктории, она была рядом, вроде накрашенная — ее я как-то встретил ночью много лет спустя, когда покупал бургер в киоске на площади

Мёллевонгсторгет, она там работала, стояла в униформе сети «Сибилла» и жарила картошку во фритюре, притворяясь, что не узнает меня, — и я удерживал Карлоса в каком-то захвате, так что он не мог дышать, а кофта у него задралась, оголив поясницу, и тогда вперед, с зажигалкой и банкой с каким-то спреем, типа дезика, выскочил Роби, поджег газ и подпалил Карлосу спину. Всего три-четыре секунды, но тот заорал, и я отпустил его, и он попятился и остановился перед кирпичной стеной, и по нему мы видели, что он проиграл, что он боится и готов сдаться. Но фишка в том, что он был моим приятелем. Он был маленьким крепким чилийцем. Умным математическим вундеркиндом. Вроде жил у родителей отца из-за того, что отец наркоманил и бухал, — пару раз, много лет спустя, мне показалось, что я его папу видел, тот сидел на скамейках у площади Вэрнхемсторгет, и каждый раз мне приходилось сдерживаться, чтобы не подойти и не спросить, что случилось с его сыном, с его маленьким Карлитом, моим другом, — а что с его матерью, я не знал. Вроде она была шведкой, не помню, видел ли я ее когда-нибудь. Там вроде проблема имелась с родительскими правами, по крайней мере, когда он был младше, типа в начальной школе. Однажды, когда мы учились во втором или третьем классе, к площадке у супермаркета, около школы, подъехала машина, оттуда кто-то выскочил и заташил Карлоса внутрь, в разгар перемены, когда мы во что-то играли, в шарики или что-то вроде того, и нам показалось немного странным, что кто-то может просто возникнуть из ниоткуда и просто затащить ребенка

в машину, как будто это происходило в кино, а не в реальности. Но мы ведь все сами видели. Что это могло значить? Точно не помню, к чему мы тогда пришли. Через пару дней Карлос вернулся и наврал что-то, ему никто не поверил, но больше мы об этом не говорили. Жили обычно очень просто. Дома, как правило, строили из глины или обмазывали глиной, часто в них была всего одна комната. Большинство домов имели плоскую крышу, в таком жилье семья могла отдыхать, спать и работать. Крышу делали из хвороста, глины и земли. После сильного дождя ее приходилось подравнивать. Много лет спустя я услышал, что он наркоманил и тусовался с малолетками, заставлял их выполнять поручения, чтобы, видимо, самому не загреметь в тюрьму, но в школе кто-то сказал детишкам, что не стоит с ним водиться, тогда он пришел в школу и стал угрожать учителям. Не знаю. Что тут скажешь? Так глупо. Эта фишка про взгляд. Может, это все выдумки, что нельзя опускать глаза, ну, ты понимаешь. А если опустишь, то ощущения так себе. Что тут скажешь? Тут на самом деле нет ничего странного, даже если ты считаешь иначе. Мы с Робертом, наполовину поляком, обычно тусовались с польским цыганом по имени Тони, мы звали его Монтана<sup>1</sup>, серьезно, и он расхаживал в костюме и, прикинь, с золотой цепью и цацками — полный набор, — любил засовывать сотки под пленку или, как

---

<sup>1</sup> Тони Монтана — герой драмы Брайана Де Пальмы «Лицо со шрамом», экранизированной в 1983 г. Оливером Стоуном. — *Здесь и далее прим. перев.*



там это называется, на пачке сигарет, выпендривался, как мы говорили, и вот один раз я встретил его у школы — ну, знаешь, я ему нравился, не представляю почему, может, потому что мы иногда болтали на польском, и он был слишком молод, чтобы понять, что это ничего не значит, ну что поляки ненавидели его так же, как шведы, не знаю — короче, я подскочил к нему, а он стоял там с велосипедом, цепь слетела, такой шоссейник из 80-х, и тут я говорю, что его легко починить, просто переверни велик вверх колесами и мы все поправим, но он такой: нет, забей, измажешься только, оставь, пойдем, давай со мной к Лусиано, моему брату, в Круксбэк, и мы пошли, и он сказал, ты клевый, можешь брать мои сиги, пока идем, и он достал пачку «Мальборо», но тут он вдруг взбесился и сказал, что потерял сотку, которая там лежала, и, пока мы шли, навстречу попался парень, нам не знакомый, но я видел его в школе, учился в девятом классе, ботан, швед, и когда он проходил мимо, Тони такой: слышь, почини мой велик, и парень такой: не могу, не знаю как; в смысле? — говорит Тони, в смысле не знаешь как? — просто поправь гребаную цепь, чувак, это просто, сделаешь на раз-два, и до смерти напуганный парень снова такой: но, но, но я не знаю, и все такое; и Тони подскакивает и с разворота бьет его в голову, попадает типа по щеке, не очень сильно, без крови и все такое, но все равно я немного офигел, и вот парень уже на коленях, руки трясутся, возится с цепью, руки все черные, я сказал Тони, успокойся, но я ведь сам его боялся, как и все, в конце концов мы все починили втроем,

Тони держал велик, а я крутил педали, и парень, по-моему, его звали Даниил, как того со львом из Библии, или как в той песне Элтона Джона<sup>1</sup>, и парень возился с маслянистой цепью, пока та не встала на место, потом он свалил, а мы выкурили еще по сиге, и потом он, Тони, уехал на велике, а я пошел дальше, между делом высматривая на земле сотку, которую он, возможно, потерял. Реально, мне ведь не нравилась его манера — наезжать вот так на невиновных — по крайней мере, так я тогда считал, а может, именно это мне и нравилось, может, мне было интересно и немного прикольно, немного забавно наблюдать, как на кого-то наезжают, когда я сам в этом не участвовал, не знаю — но все равно Тони мне нравился, у нас была какая-то связь, и однажды он мне помог, когда я повздорил с парнем из особняка, из Бельвю, с богатеньким сынком (я нашел его в сети много лет спустя, тогда он стал довольно известным поваром), который запрыгнул в окно, когда у нас шел урок, ну по некоторым предметам я ходил в так называемый коррекционный класс для трудных учеников, нас там было немного, и там, правда, было поспокойнее, но он запрыгнул и начал ругаться с пацаном по имени Ларс, тот был очень маленьким для своих лет, сидел на гормоне роста и все такое, и второй парень, который богач, он был на год-два нас старше, так что я влез между ними и позадирился немного, потом

---

<sup>1</sup> Имеется в виду хит Э. Джона и Б. Топина «Дэниел» (Daniel) из альбома «Не стреляй в меня, я всего лишь пианист» (1973).

его выкинули вон, а мы с ним снова столкнулись и начали драться, но молотили друг друга недолго, пока нас не разняли учителя, и тогда кто-то закричал, что мы должны встретиться у холмов<sup>1</sup> в полдень, и потом мы там встретились и дрались, он отбил мне кусочек переднего зуба слева, я все еще чувствую неровность языком, сегодня, типа двадцать пять лет спустя, и, видимо, пара моих ударов и пинков попали в цель, достаточно удачно, чтобы до него дошло, что нельзя меня унижать просто так, и в итоге мы устали, и круг зрителей поредел, и мы перестали драться, получилась типа ничья, но фишка в том, что позже об этом узнал Тони и пошли слухи, что он собирается богача убить и, прикинь, все знали, что он чокнутый, и у нас был еще один товарищ, Марцин, поляк, они с богачом столкнулись на парковке, началась драка, ничего серьезного, но знаешь, Марцин был из Русенгорда и имел там кучу приятелей, ну а Тони знал всех цыган в Мальмё — так вот пошли всякие слухи, и то ли богач зассал, то ли кто-то настучал, но в итоге учителя вызвали меня и богача на что-то типа мирных переговоров, хотя я больше не имел к этому отношения, мы ведь типа сошлись на ничьей, но теперь мы там сидели и должны были извиниться, пожать руки и все такое, не помню, чем они угрожали, но я это сделал, и он тоже, и я попросил Марцина с Тони дать задний ход, и они так и сделали, а потом, как я уже говорил, он стал поваром, кажется, довольно известным, но все равно был типа свинь-

---

<sup>1</sup> Имеется в виду территория парка Круксбэкс в Мальмё.

ей, я же помню, что он жил в особняке, разъезжал на своей новой гребаной «Хонде МТ-5», пока мы с Родриго делили угнанный мопед «Пуч Макси» со сломанным передним колесом, мы сперли его у Хамзы, который, естественно, спер его еще у кого-то, и это было не то чтобы безопасно, ведь Хамза был совершенно безбашенный, стрелял людям в глаза из мягкой пневматики и все такое. Что тут скажешь? Жили обычно очень просто. Мы, то есть я, Карлос и близнецы Кассем, Роби и кто-то еще, частенько сидели на лестнице и жгли пластик. Банки, пакеты, все подряд. Не знаю, почему нас это так завораживало. В основном мы говорили о звуке капавшего на каменные ступеньки пластика. Хлюп, хлюп, капал он, и всю эту игру мы называли «хлюп-хлюп». Вроде началось все с того, что кто-то научил нас делать маленькие дымовые шашки из шариков для пинг-понга и фольги. Сначала добываешь шарик и фольгу, заворачиваешь в нее шарик, она должна быть ровной, не мятой, а затем поджигаешь, фольга сгорает, шарик начинает медленно гореть и сильно дымиться. Дым разъедает глаза. Домá обычно делились на две части, одна для людей и одна для животных. Там, где жила семья, делалось небольшое возвышение с утоптанной глиной в качестве пола. Окна были маленькими, без стекол, а свет давали небольшие масляные лампы. Семья простого крестьянина почти не имела мебели, кроме пары грубых шкур для сна. Женщина отвечала за хозяйство — готовку еды, уборку, прядение, плетение и шитье. Она также помогала в поле, иногда на виноградниках и учила детей, пока они были ма-